

стандартизированы, в отличие от краснолаковых. Представляется, что при этом могло бы оказаться полезным более точное археологическое определение образцов: некоторые фрагменты обозначены, например, как понтийская сигиллата, арретинская, ESB, но для многих указано лишь: terra sigillata. Тем не менее представляет интерес подразделение краснолаковых покрытий на три технологических типа: 1) красные лаки, генетически связанные с черными, подобные черным лакам по структуре (с количеством стеклофазы свыше 50%), но отличающиеся красным цветом с бурыми и черными оттенками; 2) «классические» красные лаки различных оттенков, с количеством стеклофазы от 30 до 50%; 3) светло-красные ангобы пестрой микроструктуры, с количеством стеклофазы менее 20%.

Наконец, в сборнике помещены две статьи, связанные скорее с проблемами иконографии, чем с собственно керамикой. Н.П. Сорокина (с. 94–97) рассматривает граффити на краснолаковом блюде из Кеп (изготовленном, видимо, на Боспоре и датированном II–I в. до н.э.) и находит в изображениях лошадей, всадника и собаки свидетельство присутствия негреческого элемента в составе населения города (возможно, подразделения тяжеловооруженной конницы). П.Д. Диатроптов исследует христианскую символику в штампованном декоре позднеримской краснолаковой керамики Боспора и Херсонеса (с. 98–106). Речь идет главным образом о сосудах типа Late Roman C (фокейская сигиллата), а также о нескольких экземплярах африканской сигиллаты. Во вступлении говорится, что большая часть штампов попадает на мисках формы Hayes 3, а меньшая – на Hayes 10, но в каждом отдельном случае соответствующие указания не приводятся. Для 30 крестов на фокейской сигиллате П.Д. Диатроптов предлагает новую типологию из 12 типов, многие из которых Дж. Хейсом не отмечены. И в то же время он ограничивается описанием изображенных на той же керамике животных, из которых Хейсу неизвестны (как мотивы для штампов) орел, лев и агнец.

Как нередко бывает со сборниками работ нескольких авторов, качество статей различно. Редактор мог бы позаботиться о большем единообразии: например, не все рисунки хорошего качества и воспроизведены в читаемом масштабе. Тем не менее работа в целом показывает ту кипучую деятельность, которая царит в настоящее время во многих разделах археологии Северного Причерноморья – от более точного определения найденного материала до исследования морской торговли и взаимодействия местного населения со средиземноморской традицией. Остается поздравить исследователей и пожелать им продолжения этой счастливой поры. Ясно, что данный сборник трудов обращен в первую очередь к российскому и украинскому читателю – это видно и по тому, что решили опубликовать его на русском языке, и по содержанию некоторых статей, и по таким деталям, как отсутствие географической карты для локализации археологических памятников, известных на Западе не так хорошо, как в родной стране. Не посоветовать ли (может быть, самому редактору данного тома) подготовить работу обобщающего характера, с тем чтобы познакомить зарубежную публику со столь богатой областью исследований?*

Арчер Мартин

© 2002 г.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ АЛАНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РОССИИ**

(По поводу книги: Т.А. Габуев. Ранняя история алан по данным письменных источников. Владикавказ: Ирстон, 1999. 148 с.)

Перед нами книга археолога, который немало (и, полагаю, с пользой для общего дела) потрудился на ниве аланской археологии, а в последние годы переключился на темы аланской истории, сменив вещественные источники на письменные. Расширение тематики исследований само по себе никогда не бывает излишним. Но выбирая новый предмет занятий, обычно знакомятся с его спецификой, чего в данном случае не произошло. Нынешняя монография, как и ряд предыдущих статей того же автора, свидетельствует о его непонимании задач и сути исторического исследования.

* Перевод Н.А. Селунской при участии Е.В. Ляпустиной.

**Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект 01-01-41001а/Ю.

«Ранняя история алан по данным письменных источников». Уже своим названием рецензируемая книга вводит читателя в заблуждение. «Источниковой базой для написания данной работы, – утверждает Т.А. Габуев, – послужили труды античных (греко-римских), армянских, грузинских и китайских авторов» (с. 5). На деле в качестве источников используются не труды древних авторов, а их отрывочные русские переводы. Игнорирование этой принципиальной разницы обрекло на конечную неудачу всю последующую работу.

Что считать источниками наших знаний о прошлом? Беру наугад определение из стародавнего школьного учебника: «Остатки прошлого, которые служат для его изучения, называются историческими источниками»¹. «Остатки прошлого» – современный (или недавний) перевод не может по определению считаться историческим источником для изучения аланского прошлого двухтысячелетней давности. Таковым является оригинал перевода, с ним-то и должен работать историк.

Почему так важно провести грань между оригиналом (реальным первоисточником) и его переводом? Все разнообразие свидетельства прошлого, относимые к категории потенциальных исторических источников, имеют свой способ кодировки информации. Код письменных свидетельства – язык, а точнее текст, записанный на определенном языке. Закодированную в нем историческую информацию нужно еще извлечь из текста путем анализа («допроса», «пытки») под тем углом зрения, который задан конкретной проблемой. Только после этой процедуры текст становится историческим источником. «Допрашивать» перевод (тем более перевод изъятый из контекста фрагмента) бесполезно, поскольку переводчик уже закончил свою работу, следуя собственным целям и задачам, отличным от тех, что ставит историк. Перевод омертвляет источник, делает его статичным, неприспособленным к диалогу с читателем, нацеленным на изучение скрытой в тексте действительности. Сам процесс перевода есть не что иное, как перемена кода информации с одной (древней) языковой системы на другую (современную). Перевод тем самым приближает прошлое к нам за счет потери той части информации, которая принципиально непереводаема, и неизбежной модернизации оставшейся. Задача же историка на уровне исследования прямо противоположная: ему нужно самому приблизиться к миру прошлого, «погрузиться», «вжиться» в него. И делать это надо без всяких посредников: самостоятельные исследования возможны только на основе оригинальных источников, хранящих свидетельства далеких веков. Интерпретация (а каждый перевод – интерпретация) этих свидетельств несет на себе печать уже другого времени – того, в котором живет и творит переводчик или историк; для изучения их трактовок проводят специальное историографическое исследование, необходимое хотя бы для того, чтобы не открывать заново америк.

Словом, проблема источников – это еще и проблема метода, «пути познания». Особенность творческого метода Т.А. Габуева заключается в том, что, минуя два предварительных и обязательных этапа исследования – источниковедческий и историографический, он сразу переходит к изложению собственной точки зрения. Что из этого вышло?

Книга состоит из введения, шести глав: «Античные авторы I–III вв. об аланах», «Походы алан в Закавказье», «Центральное Предкавказье и аланы» – единственная глава, написанная на основе археологического материала, «Клавдий Птолемей и Аммиан Марцеллин об аланах», «Древние китайские источники об аланах», «Этническое содержание термина "аланы"», заключения, приложения (список использованных китайских источников), библиографии, списка сокращений, карт и схем (5 рисунков). Работа охватывает период с I по IV в., от первого упоминания аланов у Сенеки и Лукана до начала гуннского нашествия. Главный вопрос, поставленный автором, – «поиск прародины алан», ответом на него является изложенная в книге «собственная» (с. 4) среднеазиатская «гипотеза происхождения алан» (я все-таки настаиваю на том, что «собственные» гипотезы строятся на оригинальных материалах, не на переводах). Дополнительная цель – «осветить в популярной форме весь период раннеаланской истории на основе данных письменных источников» (с. 5).

Письменные источники, использованные в книге, составляют три группы: 1) античные (греко-римские), 2) закавказские (армянские, грузинские) и 3) китайские. Только в отношении китайских источников автор, не владеющий древними языками, испытывал «некоторые трудности» (с. 6), преодоленные (как он считает – успешно) с помощью специалистов – Д.В. Деопика, В.Л. Сычева, А.В. Никитина, М.Ю. Ульянова. Что касается источников (переводных) на других языках, то здесь автор чувствует себя настолько уверенно, что решил

¹ Ковалев С.И. История древнего мира. Учебник для 5–6 классов средней школы. М., 1954. С. 4.

обойтись без всяких консультаций. Методика работы нигде специально не разъясняется, но лично мне очень напоминает метод Л.Н. Гумилева, который считал, что «отслоив факты от источника (курсив мой. – С.П.), этнолог может уловить связи событий, их внутреннюю логику и добиться результатов, интересных и ему самому и читателю»². То же в работе специалиста по этнической истории Т.А. Габуева: источники – отдельно, факты – отдельно, результат – «интересный ему и читателям», о научности речи не идет. Поскольку факты у Т.А. Габуева полностью «отслоены» от хранящих аромат времени источников, все они лишены индивидуальности, а следовательно, – сопротивляемости волюнтаризму автора, который вкладывает в покорную форму то содержание, какое ему нужно. И достоверное сообщение о нападении аланов на Каппадокию в наместничество Флавия Арриана, и по недоразумению (из-за неудачной конъектуры) попавшие в русский перевод «Древностей» Иосифа Флавия «скифы», и фольклорного происхождения история об Арташесе и Сатиник, и поздняя христианская легенда о Сукиасянцах – все эти разнородные свидетельства трактуются им как исторические факты одинаковой ценности, подобные кирпичам, сделанным из одинаковой глины, обожженным в одной печи именно для того здания, которое задумал архитектор.

В отличие от Т.А. Габуева, рассматривающего все источники по аланам как равноправные, я полагаю, что их следует дифференцировать по степени аутентичности и достоверности. Наиболее надежными и богатыми информацией являются синхронные изучаемому периоду античные (греческие и латинские) источники, из которых мы узнаем об основных фактах истории аланов, их социальном строе и культуре. Наука о древних аланах, поэтому, с учетом сегодняшнего ее состояния, должна быть антиковедческой дисциплиной *par excellence*. Армянские (не ранее V в.) и грузинские (еще более поздние) свидетельства об аланах I–IV вв. вторичны, поскольку основаны либо на той же античной традиции, либо на фольклорном материале. На этот счет есть авторитетные мнения специалистов. Относительно наиболее крупного в древнеармянской историографии труда Моисея Хоренского академик М. Абемян высказывался так: «Всю историю Армении, вплоть до конца IV века, следует писать сызнова. Все, что касается политических событий, должно быть написано на основе внешних источников, а "История" Хоренаци при этом может быть использована как второстепенный, третьестепенный источник»³. Аналогичную оценку грузинским летописям «Обращение Грузии», «История царей» Леонтия Мровели, «Жизнеописание Вахтанга Горгасала» Джуншера дает Н.Ю. Ломоури: «Именно принимая во внимание позднее время их создания, разнородность используемых ими источников, среди которых несомненно значительное место занимали явно легендарные сведения и устные предания, наше плохое знакомство со степенью достоверности этих источников, мы считаем, что опираться целиком и полностью на сведения этих летописей без контрольного материала будет методологически неверным»⁴. Контрольный материал, естественно, поставляют античные письменные источники.

Не в меньшей степени нужна осторожность при корреляции античных и китайских известий. Практически нет ни одной общей черты, на основании которой мы могли бы переносить характеристики племен и государств Западного края в китайских хрониках («Хоуханьшу» и др.) на аланов античных авторов; даже термин «Аланыя» относится не к народу, а к области, явно не охватывающей всей территории обитания аланов. Образ любого народа в иноязычных текстах – это образ «чужого», преломленный сквозь культуру создателей письменной традиции на конкретном языке. «Разные языки – это не различные обозначения одного и того же предмета, а разные видения его»⁵. Т.А. Габуев, оговаривая «предположительность» процедуры, приводит таблицу соответствий (предложенных до него), которые использует в дальнейшем для «исторических реконструкций... гипотетического характера»: юечжи-тохары, усунь-асиасианы, сэ-саки-сакаравлы (с. 83). Если имеются в виду фонетические совпадения, это куда ни шло. Но какие у нас основания считать, что у китайцев и римлян существовали одинаковые или хотя бы схожие критерии выделения того или иного этноса, государства? До тех пор, пока не будет выработана особая, обусловленная спецификой объекта методика сопоставления сведений из источников разного культурного круга (а это большая проблема), лучше избегать неоправданных аналогий, способных завести неизвестно куда. Возможно ли, имея латинские и греческие документы, изучать государственный строй Римской империи по сообщениям

² Гумилев Л.Н. История народа хунну. В 2-х кн. Кн. 2. М., 1998. С. 283.

³ Абемян М. История древнеармянской литературы. Ереван, 1975. С. 157.

⁴ Ломоури Н.Ю. К вопросу о методике использования некоторых античных и грузинских источников по истории Грузии // Источниковедческие разыскания. 1982. Тбилиси, 1985. С. 56–57.

⁵ Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М., 1984. С. 9.

о стране Дацинь, в столице которой «10 дворцов, в 10 ли один от другого», «цари возводятся на престол по избранию», а «высший совет состоит из 36 военачальников»⁶.

С учетом сказанного основное внимание хочется уделить работе автора с античными, главными для нас источниками. Первые упоминания об аланах содержатся в произведениях латинских поэтов I в. н.э. Т.А. Габуев приводит соответствующие тексты Сенеки (Фиест. 627–631), Лукана (Фарсалия. 8.215–225; 10.450–455), Валерия Флакка (Аргонавтика. 6.40–50, 609–656) в старых переводах СС В.В. Латышева, полностью игнорируя обильную зарубежную (да и отечественную) литературу по теме⁷. Так называемый «анализ» сводится к нескольким банальным замечаниям, сделанным настолько небрежно, что начинаешь сомневаться, а знает ли автор хотя бы сюжет разбираемых им произведений. Цитата Сенеки об «Истре, представляющем пути к бегству диких аланов» снабжена комментарием: «Из контекста вышеприведенного отрывка можно заключить, что аланы в своих набегах не только доходили до Истра-Дуная, но и переправлялись через него, беспокоя римские провинции на Балканах» (с. 7). Но «контекст отрывка» не исторический, а легендарный: о «диких аланах» говорит вестник во дворце микенского царя Атрея. Какие римские провинции? То же смешение эпох мы наблюдаем при разборе свидетельства Валерия Флакка об Анавсии, вожде прикавказских «аланов и гениохов» (Argon. 6. 42). Т.А. Габуев, выступая против локализации аланов на Кавказе в середине I в. н.э., почему-то считает, что Флакк пишет о своем времени, только «в свободной, свойственной... поэту манере» (с. 10). Вовсе нет. Валерий Флакк помещает Анавсию, жениха колхидянки Медеи, во времена аргонавтов. Читай автор подлинник, он смог бы узнать, что Анавсий погиб в поединке с другим женихом Медеи, албанцем Стиром (Argon. 6.265–278, отрывок не переведен в СС). Воскрешать погибшего, переносить в римскую эпоху и рассуждать о том, мог ли он владеть территорией Страбоновых ахейцев и гениохов, нет никакой необходимости. По той же причине, т.е. из-за незнания оригинала, Т.А. Габуев пропускает важный для его темы отрывок, где, как кажется, упомянуты аланы в качестве обитателей прибрежной полосы в устье Дуная (Argon. 8.219)⁸.

О других нарративных источниках. *Historia Augusta* без всякого объяснения датируется концом III – началом IV в., как будто и не было исследования Г. Дессау (1889 г.)⁹ о передатировке памятника концом IV в. и его вывода о едином авторстве (для Т.А. Габуева каждая биография имеет своего автора). Среди наиболее весомых аргументов за позднюю датировку НА – детали биографии императора Максимиана Фракийца, алана по матери (Maxim. 1.5). Проблема подробнейшим образом исследована в литературе¹⁰, совершенно неизвестной автору, заявляющему о необходимости «рассмотрения широкого исторического фона, благодаря изучению которого можно сравнить все известные на настоящий момент исторические свидетельства» (с. 5). Не известны Т.А. Габуеву и новые критические издания НА, что приводит к показательным фактическим ошибкам. Например, в книге (с. 21) со ссылкой на биографию «Марка Антонина Философа» (22), перечисляются племена, поднявшие в 167 г. оружие против Рима: «маркоманы, варисты, гермундуры и квады, свебы, сарматы, лакринги и буры, вандалы с виктуалами, осы, бессы, коботы, роксоланы, бастерны, аланы, певкинги и костобоки». А в латинском тексте мы читаем: Marcomanni, Varistae, Hermunduri et Quadi, Suevi, Sarmat(a)e,

⁶ «Хоуханьшу», гл. 118, цит. по кн.: Хенниг Р. Неведомые земли. Т. I. М., 1961. С. 434.

⁷ Из трех поэтов для темы аланов особенно важен Валерий Флакк, в VI книге «Аргонавтики» которого дается интересное описание скифо-сарматского мира, еще ждущее своего исследователя. В библиографии к новейшему изданию Флакка (*Valerius Flaccus*. Argonautiques. Т. I. Ch. I–IV. Texte établi et traduit par G. Liberman. P., 1997. P. CI–CXVIII) указаны 45 публикаций текста и 130 важнейших работ, причем замечу, что этот список далеко не полный. Ни одна работа неизвестна Т.А. Габуеву.

⁸ C. *Valerii Flacci Suetonii Balbi Argonauticon libri octo cum notis Petri Barmanni*. I. Altenburgi, 1781. Lib. VIII. 219: per saenos Hister descendit Alanos, с комментариями. Последующие издатели предпочитали вариант *alumnos*, но вопрос нельзя считать окончательно решенным.

⁹ Dessau H. Über die Zeit und Persönlichkeit der Scriptores Historiae Augustae // Hermes. 1889. 24. S. 337–392; *idem*. Über die Scriptores Historiae Augustae // Hermes. 1892. 27. S. 561–605. См. оценку автора послесловия к русскому переводу: «Большинство ученых примкнули к поздней датировке, предложенной Дессау; меньшинство держится традиционной ранней датировки; отдельные ученые предполагают серединную дату, 360-е годы» (Гаспаров М.Л. Послесловие // Властелины Рима. Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана. М., 1992. С. 328).

¹⁰ См., например: Lippold A. Kommentar zur Vita Maximini Duo der Historia Augusta. Bonn, 1991. Книга вышла в многотомной серии: Bonner Historia-Augusta-Colloquium (Bonn, 1964–1991), продолжение: Historiae Augustae Colloquium, nova series (Macerata – Bari, 1991 –).

Lacringes et Burei hi aliique cum Virtualis, Sosibes, Sicobotes, Basternae, Halani, Peucini, Costoboci¹¹, т.е. нет вандалов, осов, бессов, коботов, роксоланов, зато есть «как эти, так и другие (племена)», а также созибы и сикоботы. Столь же приблизительны знания автора о «Географии» Клавдия Птолемея. Т.А. Габуев не принимает в расчет того, что «алано-скифы» (Geogr. 3. 5. 10; 6. 14. 9) и «Аланские горы» (Geogr. 3. 5. 5; 6. 14. 3) – результат конъектуры, хотя и приемлемой, но все-таки не до такой степени безусловной, чтобы избежать дискуссионного вопроса о рукописном чтении с корнем «алавн-» (Ἀλαῦνο Σκύθαι, Ἀλαῦνον ὄρος). Кстати, «аланская» конъектура основана на сообщении Маркиана Гераклеяского (Per. 2.39) об «алано-сарматах», которому Т.А. Габуев как раз отказывает в доверии (с. 125). Автор приписывает текст (известный ему только по SC) «О разрушении города Иерусалима в пяти книгах» Амвросию Медиоланскому (IV в.) и делает из этого выводы относительно оригинальности содержащейся там информации (с. 32). Очередной курьез: в перечне книг прославленного отца церкви такой работы не значится¹², и говорить следует о латинском переводе «Иудейской войны» Иосифа Флавия, автора которого принято называть Егесиппом¹³.

Таковы познания автора в области нарративных источников. Что с эпиграфическими? Т.А. Габуев кратко информирует о трех надписях, делая во всех стандартные ошибки. 1. Главного аланского переводчика Герака (Ирака), сына Понтика (КБН. № 1053), именует (на основании старого перевода В. Шкорпила) Гераком «Понтийским» (с. 19), превращая патронимик в прозвище. 2. Конь Адриана из стихотворной эпитафии (CIL. XII. 1122, автор цитирует текст в двойном переводе с английского книги Б. Бахраха) назван «Борисфен Аланский» (там же), а в оригинале – Borysthenes Alanus, т.е. «Борисфен Алан» (сравните: *савроматский* царь и царь *Савромат*, чтобы почувствовать разницу). 3. Надпись Картира на Каабе Зороастра, где упоминаются «Аланские ворота» (с. 65), приводится по книге В.Г. Лукониной¹⁴. Если бы Т.А. Габуев обратился к другим публикациям В.А. Луконина, то на месте «Аланского» обнаружил бы «Албанский проход»¹⁵. Тогда он мог бы выйти на трудную проблему правильного чтения плохо сохранившегося текста, при восстановлении которого ученые прибегают к другим версиям надписи Картира (наиболее пространная – в комплексе Сар-и Мешхед). При решении такой проблемы никак не обойтись без ознакомления с оригиналом на среднеперсидском языке, но для Т.А. Габуева существуют одни переводы.

Три надписи, пусть из вторых рук и плохо понятые, все же известны автору. За пределами его исследования остались: 1) карьерная надпись Марка Гиррия Фронтоня Нерация Пансы (AE. 1968. 145), в которой, предположительно, содержится указание на экспедицию против аланов в 75/76 г.¹⁶; 2) работа Ф. Каррата Томеса, в которой предлагается конъектура (сама по себе небесспорная) с именем аланов в надписи времени Антонина Пия (CIL. VI. 1208): Germanos Maugrosque domas sub Marte et Alanos¹⁷; 3) надпись римского солдата из I легиона Минервы (CIL. XIII. 8213=ILS. 4795), бывшего «у реки Алуты при горе Кавказ» – ad Alutum flumen secus

¹¹ Scriptores Historiae Augustae / Ed. E. Hohl. Lipsiae, 1965. V. I. Adiec. Ch. Samberger et W. Seyfarth (IV. M. Ant. Phil. 22.1).

¹² См. хотя бы русское издание: *Амвросий Медиоланский. Две книги о покаянии и другие творения* / Пер. прот. Иоанна Харламова. М., 1997. Библиография. I. Сочинения св. Амвросия в алфавитном порядке (с. 37–38).

¹³ Латинский перевод «De Bello Judaico» был ошибочно включен в базельское (1527) собрание сочинений Амвросия, впервые исключен из издания бенедиктинцев (Paris, 1686–1690). См. Vogel F. De Hegesippo, qui dicitur, Iosephi interprete. Erlangae, 1881. P. 1–2.

¹⁴ Луконин В.Г. Иран в III веке. Новые материалы и опыт исторической реконструкции. М., 1979. С. 19.

¹⁵ Луконин В.Г. Культура сасанидского Ирана. Иран в III–V вв. Очерки по истории культуры. М., 1969. С. 87 (см. также «Указатель», где четырежды указаны «Албанские ворота» и ни разу – «Аланские»); *он же*. Древний и средневековый Иран. Очерки истории культуры. М., 1987. С. 220.

¹⁶ Torelli M. The Cursus Honorum of M. Hirrius Fronto Neratius Pansa // JRS. 1968. 58. P. 173: [– – – exercit]us qui in A[rmeniam] Maiorem missus est – – –] или qui in A[lanos] missus est – – –] etc. За аланскую версию: Dabrowa E. Le limes anatolien et la frontière caucasienne au temps des Flaviens // Klio. 1980. 62/2. P. 387; Halfmann H. Die Alanen und die römische Ostpolitik unter Vespasian // Epigraphica Anatolica. 1986. 8. S. 39–51. Против: Bosworth A.B. Vespasian's Reorganization of the North-East Frontier // Antichthon. 1970. 10. P. 75. Not. 83; Heil M. M. Hirrius Fronto Neratius Pansa, legatus exercitus Africae // Chiron. 1989. 19. S. 166–184; Wheeler E.L. A New Book on Ancient Georgia: A Critical Discussion // The Annual of the Society for the Study of Caucasia. 1994–1996. 6–7. P. 75. Not. 51.

¹⁷ Carrata Thomes F. Gli Alani nella politica orientale di Antonino Pio // Università di Torino. Pubblicazioni della Facoltà di Lettere e Filosofia. V. X. Fasc. 2. 1958. P. 37–38; Против конъектуры: Wheeler. Op. cit. P. 76. Not. 61.

Monte[m] Caucasi, где Алута, по мнению ряда ученых, не что иное, как Алонта (возможно, Алан-дон=«Аланская река») Птолема (Geogr. 5. 8. 6; 9. 12), современный Терек¹⁸; 4) греческая надпись III в. из Жинвали, содержащая имя «Бакур алан» (Βακούρ 'Αλάνα)¹⁹; 5) трехязычная (на парфянском, среднеперсидском и греческом) надпись Шапура I на той же Каабе Зороастра из Накш-и Рустама, интересная для алановеда не только упоминанием «Аланских (либо Албанских) ворот» (параллель к надписи Картира), но и страны «Махелонии» (страна маскутов-массагетов?)²⁰; 6) недавно (1985 г.) открытая и еще неопубликованная надпись из Керчи времени Савромата I (93–123 гг.) с самым ранним упоминанием аланского имени²¹. Я говорю только о надписях, уже введенных так или иначе в научный оборот. Они должны быть известны специалисту, работающему в Москве; целенаправленное изучение всего корпуса греческих и латинских надписей (вот где простор для нового поколения алановедов!) несомненно значительно увеличит их число.

Теперь о том, как авторский подход к источникам отражается на освещении конкретных событий аланской истории. Для примера возьмем походы в Закавказье 35, 72 и 135 гг. (с. 29–46). Участие аланов в первом из них Т.А. Габуев ставит под сомнение, поскольку в использованном им переводе «Иудейских древностей» Иосифа Флавия (18.97) нападавшие названы туманно «скифами». Но в оригинале-то – «аланы» ('Αλανοί)²²!

Поход 72 года рассматривается в контексте затяжного территориального конфликта Иберии (Восточная Грузия) и Армении. Иберы нанимают на службу донских аланов, к ним присоединяются прикавказские «овсы», продолжающие борьбу и после возвращения аланов домой. Комбинируя сведения армянских и грузинских летописей при помощи формулы «если... то», автор создает собственную, вполне виртуальную версию событий, ценность которой сводит к нулю своей же репликой: «все могло быть, наверное, по-другому» (с. 37). Полагаю, что «по-другому». Наш главный источник, Иосиф Флавий (Bell. Jud. 7.244–251) сообщает, что аланы напали на Мидию и Армению поговору с царем Гиркании, страны, лежащей к югу от Каспийского моря. В царя Гиркании Габуев «склонен видеть, вслед за большинством исследователей, царя Иберии-Грузии» (с. 34). Такая точка зрения действительно существует, но есть и другая, о том, что Гиркания – и есть Гиркания²³. Почему бы не проверить эту гипотезу? Аланы, по Иосифу, застали Мидию врасплох, воспользовавшись предоставленным гирканцами проходом через «железные ворота» Александра Македонского. Это явно не Дарьял (как думает Т.А. Габуев), а Каспийские ворота близ Раг в Северном Иране, через которые проходил Александр (Agt. Anab. 3. 20. 4) и которые непосредственно граничили с Мидией (Strabo. II. 12. 4. P. 522). Маршрут набега – вначале Мидия, потом Армения – ясно говорит о том, что аланы двигались с востока, не с севера; донская локализация (возможно, не связанная с эпизодом) аланов вовсе не препятствует такой трактовке. Таким образом, искатели добычи аланы были вовлечены не в иберо-армянский, а в гиркано-парфянский конфликт, продолжавшийся с 58 г. н.э., когда Гиркания, восстав, освободилась из-под власти Парфии (Tas. Ann. 13. 37; 14. 25; 15. 1, 2). Вообще, в том, что касается парфянских дел, Иосиф – гораздо более авторитетный источник, чем доверчиво цитируемые Т.А. Габуевым армянские и грузинские хроники. В последних имеются значительные расхождения с рассказом Иосифа: не упоминается Мидия, успех сопутствует не аланам, а армянам, кроме того «по армянской версии все кончается миром, по грузинской – нашествием армян, разорением Грузии и продолжением войны» (с. 35). Тем не менее автор почему-то считает, что речь идет об одном и том же событии – походе 72 г.

¹⁸ *Magie D. Roman Rule in Asia Minor to the End of the Third Century After Christ. Princeton, 1950. V. II. Notes. P. 1530; Chaumont M.-L. L'Arménie entre Rome et l'Iran // ANRW. II. 9. 1. P. 149. Not. 438; Braund D. Hadrian and Pharasmanes // Klio. 1991. 73. Ht 1. P. 218; idem. Georgia in Antiquity. Oxf., 1994. P. 234–235; Vinogradov Yu.G. The Goddess Ge Meter Olybris. A New Epigraphic Evidence from Armenia // East and West. 1992. 42. № 1. P. 19. Сомнение: Wheeler. Op. cit. 70–71.*

¹⁹ *Рамшвили Р.М., Джорбенадзе В.А. Археологические исследования в зоне строительства Жинвальского гидротехнического комплекса // Археологические исследования на новостройках Грузинской ССР. Тбилиси, 1976. С. 38; Braund. Georgia... P. 247. Pl. 20; Wheeler. Op. cit. P. 59.*

²⁰ *См. Еремян С.Т. Страна «Махелония» надписи Кааба-и-Зардушт // ВДИ. 1964. № 4. С. 47–59.*

²¹ *Vinogradov Yu.G. Greek Epigraphy on the North Black Sea Coast, the Caucasus and Central Asia (1985–1990) // ACSS. 1994. V. 1. № 1. P. 73; Сапрыкин С.Ю. Плиний Младший и Северное Причерноморье // ВДИ. 1998. № 1. С. 202.*

²² *Перевалов С.М. О племенной принадлежности сарматских союзников Иберии в войне 35 г.: три довода в пользу аланов // ВДИ. 2000. № 1. С. 203–210.*

²³ *Bosworth A.B. Arrian and the Alani // HSCP. 1977. 81. P. 223; Halfmann. Op. cit. S. 42–44; Wheeler. Op. cit. P. 64–65.*

Поход 135 г., основной источник – Кассий Дион (69. 15. 1). Поскольку Т.А. Габуев пользуется устаревшим переводом (ВДИ. 1948. № 2. С. 276–277), сделанным еще с издания 1865 г. (L. Dindorf), аланы у него нападают последовательно на Мидию, Армению, Каппадокию. Из списка захваченных нашествием стран исключена названная у Диона первой Албания (см. критическое издание У. Буассевэна)²⁴: поэтому причина набега – иберо-албанский конфликт – остается непроясненной. Упомянув еще две работы Арриана (наместника Каппадокии, отбившего аланское нападение) – «Диспозицию против алан» и «Тактику»²⁵, автор заключает: «Вот вроде бы и весь круг источников, который привлекают современные историки» (с. 38). Нет, не весь. Историки привлекают и сообщение Фемистия (Ог. 34. 8) о походе Арриана через Армению до Каспийских ворот (здесь, несомненно, Дарьял), и свидетельство Иоанна Лиды (De mag. 3. 53 = Agr. Parth., fr. 6) о пребывании Арриана у тех же Каспийских ворот²⁶, и известие сирийской «Арбельской хроники» Мешихазехи о нападении на Парфию каких-то северных варваров²⁷. Источники, хотя их не так много, есть, с ними можно и нужно работать. Вместо этого Т.А. Габуев начинает вновь доверительно пересказывать армянские легенды о первых христианских мучениках из аланов, где фигурируют Арташес, Сатиник, их сын Артавазд, другие герои того самого эпического цикла, о котором Ж. Дюмезиль писал: «Во всем этом нет ни грана истории, как таковой»²⁸. Не согласны с такой оценкой? Ну так вначале докажите ее неправоту, а затем уже выдвигайте собственную версию! К сожалению, доказательства – слабое место рецензируемой книги.

Ввиду беспомощности источниковой базы, этого фундамента любого исследования, трудно всерьез воспринимать концепцию аланского этногенеза, предложенную в книге. У меня два замечания по проблеме в целом. *Первое.* Идея восточного – от племен сако-массагетского круга – происхождения аланов не столь нова, как представляется автору, который возводит ее к работам Л.Г. Нечаевой 1950–60-х годов. Еще в XIX в. об этом писали с опорой на китайские источники Ф. Хирт, А. Гутшмид²⁹ и др. Поскольку историографический анализ в книге отсутствует, ее «новизна», мягко говоря, преувеличена. Что касается реконструкции предысторий алан на их центральноазиатской прародине, то сам Т.А. Габуев оценивает ее «не более чем гипотезу», основанную «на минимальном количестве фактов его (?) подтверждающих» (с. 98), другими словами (с учетом того, что понимает автор под историческими фактами) – на песке.

Второе. Признание восточных корней европейских (в нашем смысле слова) аланов не обязательно отрицает их принадлежность к сарматскому миру, на чем, хотя не всегда последовательно (см. оговорки на с. 121–122, 131), настаивает Т.А. Габуев. В конце концов каждый народ гетерогенен и вбирает в себя на том или ином этапе становления инородные элементы, которые также заслуживают рассмотрения в качестве необходимых составляющих нового этноса. Один из аргументов «от источника» против сарматской концепции Т.А. Габуеву видится в том, что «ни один автор античного времени не характеризует алан как народ сарматский» (с. 124) и «на страницах античных исторических произведений аланы соседствуют со всеми интересующими нас сарматскими племенами» (с. 121). Цена аргументу будет ясна из следующего (не единичного) примера. В «Historia Augusta» (Aurel. 33. 4) среди победенных врагов империи перечислены «готы, аланы, роксоланы, сарматы, франки, свевы, вандалы, германцы». Как видим, не только аланы соседствуют с роксоланами и сарматами, но и готы, франки, свевы, вандалы – с германцами, однако отрицать на этом основании принадлежность готов к германским племенам вряд ли кто возьмется. Дело, понятно же, в том, что древние термины не совпадают с современными, выявить различия в их содержании (в том числе

²⁴ Cassii Dionis Cocceiani Historiarum Romanorum Quae Supersunt / Ed. U.P. Boissevain. V. III. B., 1955. P. 235.

²⁵ С дежурной ошибкой относительно «дротиков» (вместо контосов, т.е. пик), якобы используемых в атаке «на аланский и савроматский манер» (Arr. Tact. 4.7). См. *Перевалов С.М.* Как создаются мифы (К ситуации в отечественном алановедении) // ИАА. 1998. Вып. 4. С. 97–98.

²⁶ *Bosworth. Arrian and the Alani.* P. 229–230; *idem. Arrian at the Caspian Gate: A Study in Methodology* // CQ. 1983. 33. № 1. P. 265–276; *Braund. Hadrian...* P. 218; *Wheeler. Op. cit.* P. 69.

²⁷ *Sachau E.* Die Chronik von Arbela // *Abhandlungen der königl. Preussischen Akad. der Wiss.* Jg 1915. Phil.-hist. Kl. № 6. B., 1915. S. 34, 47–48; *Rostovtzeff M.I.* The Sarmatae and Parthians // САН. XI. 1936. P. 120; *Debevoise N.C.* A Political History of Parthia. Chicago, 1938. P. 243; *Пигулевская Н.В.* Города Ирана в раннем средневековье. М. – Л., 1956. С. 83, 85; *Allheim F.* Geschichte der Hunnen. Bd I. B., 1959. S. 12.

²⁸ *Дюмезиль Ж.* Осетинский эпос и мифология. М., 1976. С. 52.

²⁹ *Hirth F.* China and the Roman Orient. Lpz, 1885. P. 139. Not. I; *Gutschmid A. von.* Geschichte Irans und seiner Nachbarländer von Alexander dem Grossen bis zu Untergang der Arsaciden. Tübingen, 1888. S. 69–70.

у разных древних авторов) – первоочередная задача исследователя. Но задачу эту по известным причинам Т.А. Габуев выполнить не в состоянии, а потому неминуемо впадает в чистой воды модернизм, приписывая древним кочевникам стиль мышления, присущий некоторым нашим современникам. Соответственно появление нового этнонима *alapa* (производное от *ayapa* – «ариец») автор объясняет возникновением у кангюйцев (в его версии – предки аланов) особой «национальной идеи», «идеи общего арийского происхождения» (с. 129). В качестве аргумента предлагается абстрактный тезис, годный для всех времен и народов. «Как часто случалось в истории, люди в трудную минуту апеллируют к героическому прошлому своих предков» (там же). Вопрос: а могла ли в принципе подобная идея появиться две тысячи лет назад у кочевого народа, Т.А. Габуевым даже не ставится³⁰. Кстати, ссылка на В.И. Абаева в вопросе о происхождении этнонима «алан» (*ayapa* > *alana*), похоже, работает против «среднеазиатской» концепции: ведь по данным В.И. Абаева переход *r > l* как раз не характерен для языков Восточного Туркестана и Средней Азии, и произошел у причерноморских скифов в результате контактов с их европейскими соседями³¹.

Итак, научного значения книга не имеет. Дело не в конкретных ошибках как таковых, дело в природе этих ошибок. Ошибаемся мы все, таково уж свойство человеческой природы. Нас поправят другие, если не наши современники, так будущие историки: «работа над ошибками» всегда была резервом поступательного развития науки. Но при этом совершенно необходимо держаться проверенного веками метода, который не дает нам окончательно сбиться с пути. «Научные исследования ведутся в соответствии с определенными правилами... Совокупность этих правил именуется "научным методом"... процедура, осуществляемая в соответствии с правилами, считается научной; процедура, нарушающая эти правила, считается ненаучной»³². Т.А. Габуев научными правилами пренебрег, и поэтому его книга не может считаться историческим исследованием.

Коли так, зачем понадобилось писать рецензию для научного журнала? Вот здесь мы выходим на проблему несравненно более серьезную, нежели неудача одной книги. Т.А. Габуев как выразитель определенной тенденции в отечественной науке об аланах (для периода древности – и сарматов) далеко не одинок. Критические замечания, по необходимости доставшиеся ему, можно адресовать большинству его коллег. Три поколения ученых – археологи, историки, этнографы, лингвисты – создавали исторические труды, не прикасаясь к живой струе оригинальных письменных источников. Практически целая отрасль (и не одна в постсоветской историографии) существует, не признавая законов научного творчества. Две группы историков: одна – добывающая факты из источников (антиковеды, востоковеды, византинисты, медиевисты), другая – только их потребляющая (алановеды, основные кадры которых состоят из археологов с их культом вещественных памятников), говорят на разных языках и, естественно, не понимают друг друга. Правильнее сказать, алановеды не понимают (и обречены на непонимание из-за отсутствия соответствующей подготовки) трудов своих коллег, работающих с письменными источниками.

Глубинные истоки нынешнего положения дел коренятся в недавнем прошлом, в феномене советской историографии с ее приматом идеологии над фактологией. Ведь чему учили советских историков? Как вспоминает известный востоковед (специальность немаловажная и для аланских исследований) К.А. Антонова, «никто из нас – историков Индии – не получил востоковедческого образования, не обучался ни одному восточному языку... Мы не должны были найти какой-то новый источник и кропотливо изучить его, наша задача состояла в том, чтобы по-новому интерпретировать уже известные исторические тексты и с помощью марксизма

³⁰ Пример из недавней истории Осетии. Аланская («алано-арийская») идея не занимала сколько-нибудь существенного места в традиционном осетинском сознании сто- или двухсотлетней давности. Ныне же она превратилась в весьма действенный фактор самоидентификации осетин, причем определяющее влияние оказала местная научная литература по аланской проблеме. В 1994 г. Северо-Осетинский парламент внес добавление в название республики, и теперь она – Республика Северная Осетия-Алания. Книжный рынок Осетии наводняется книгами с мистической трактовкой роли осетин в истории, названия которых говорят сами за себя: *Чочиев А.Р.* Нарты-арии и арийская идеология. М., 1996; *он же.* Нарты-арии и арийская идеология. М., 2000; *Козаев П.* Аланы-арии. Происхождение и древнейший период истории. Владикавказ, 1998, и др. В такой атмосфере действительно возможна «апелляция к героическому прошлому своих арийских предков». Предполагать нечто подобное у протоалан рубежа нашей эры, согласимся, рискованно.

³¹ *Абаев В.И.* Скифо-европейские изоглоссы. На стыке Востока и Запада // Избранные труды. Т. II. Владикавказ, 1995. С. 327–332; *Вайнберг Б.И.* Этнография Турана в древности. VII в. до н.э. – VIII в. н.э. М., 1999. С. 265.

³² *Савельева И.М., Полетаев А.В.* История и время. В поисках утраченного. М., 1997. С. 57–58.

вскрыть глубинные корни исторических событий, выработать марксистскую теорию истории избранной нами страны. Поэтому мы были истинно советскими востоковедами»³³. В некоторых разделах истории традиция изучения древних текстов все же сохранилась, но алановедение к ним не относится. Ныне время от времени (хотя гораздо реже, чем надо бы), историки поднимают вопрос о преодолении негативных сторон советского наследия. Но каких (вечная боязнь, как бы не выплеснуть с водой и ребенка)? В чем? С исчезновением монополюно правящей партии ее идеология, привнесенная в науку извне, сравнительно быстро ушла (надеюсь!) из работ историков. Задачей дня становится борьба с источниковедческим нигилизмом, борьба профессиональными средствами за профессиональное выживание истории как науки. Критерии давно и хорошо известны. «Борьба с документами» (известное выражение М. Блока) отличает историка-профессионала от любителя»³⁴. Этой формулы достаточно, чтобы отличить научную работу от подделки. Тем не менее дилетантские сочинения продолжают регулярно появляться даже на страницах академических журналов. Подобное попустительством даром не проходит. Платой становится деградация науки, девальвация ее ценностей, дальнейшее падение престижа профессии историка.

И последнее. Наука сильно атмосферой диспута. Перед лицом взыскующей критики, которая только и может спасти историю от фальсификаций, все равны, в том числе автор этих строк. «Что принимают все, то требует проверки. Что отвергают все, то требует проверки». Так, кажется, говорил учитель Конфуций.

С.М. Перевалов

© 2002 г.

В.П. БУДАНОВА. Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М.: Наука, 2000. 541 с.

Монография В.П. Будановой является первым на русском языке обобщающим трудом об эпохе Великого переселения народов, комплексным исследованием варварского мира рубежа античности и средневековья. Уже в этом заключается ценность данного труда, так как он помогает создать целостную картину непростого периода в истории Европы. Но помимо этого рецензируемая книга имеет целый ряд несомненных достоинств.

Автор формулирует и убедительно обосновывает новую концепцию Великого переселения народов, выделяя его в качестве особой переходной исторической эпохи. В.П. Буданова видит начало этой эпохи в событиях II в. н.э., в отличие от традиционных представлений, относящих его ко времени появления гуннов в Северном Причерноморье (375–376 гг.). По мнению исследователя, «системное изучение Великого переселения народов позволяет определить его как особый период исторического развития, когда в значительном историческом пространстве (уже не античность, но еще не средневековье), ограниченном конкретными хронологическими рамками (II – VII вв.) и определенной территорией (Европа, Азия, Африка), взаимодействие варварства и цивилизации достигло своей наиболее интенсивной фазы. Результатом этого взаимодействия, как следствия взаимопроникновения и взаимоуничтожения римского и варварского миров, явилось зарождение нового типа цивилизации» (с. 7, курсив мой. – И.Е.).

Важным компонентом данной концепции является деление Великого переселения народов на три этапа (с. 7): «германский» (II – IV вв., который охватывает время от Маркоманнских войн до Адрианопольского сражения); «гуннский» (IV – V вв. – между Адрианопольским сражением и битвой на Каталаунских полях); «славянский» (VI – VII вв., связанный с передвижением в Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европе славянских племен). Это деление четко организует исторический материал и может оказать большую помощь особенно в преподавательской практике. Описанию этапов переселения посвящены первые три главы книги.

Центральную часть монографии составляет уникальное собрание этнонимов эпохи Великого переселения народов, в котором обобщены свидетельства более 300 греческих, римских и раннесредневековых авторов и анонимных источников I в. до н.э. – VIII в. н.э. (гл. V).

³³ Антонова К. Мы, востоковеды (Вместо эпилога) // Восток. 2000. № 4. С. 117.

³⁴ Савельева, Полетаев. Ук. соч. С. 59.